

«ДИСКУРС ПОБЕЖДЕННЫХ»: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XX – XXI ВВ.

В статье анализируются особенности постановки проблемы глобализации в современной российской философии. На основе работ известных российских философов А.А. Зиновьева и А.С. Панарина выявлена детерминация постановки проблемы глобализации историческими трансформациями российского общества и особенностями рецепции западной философской мысли.

Проблема глобализации является одной из ведущих тем современных социально-гуманитарных исследований. Живейший интерес общества и власти к анализу «глобальных проблем» и «глобальных тенденций» подстегивает интерес ученых к данной проблематике. При этом для любого исследователя, знакомого с аксиоматикой социально-гуманитарных наук, очевидно, что получить более-менее достоверное знание относительно незавершенного процесса, в который по определению ангажировано все человечество, включая самих исследователей, в принципе невозможно. Но поскольку весь комплекс связанных с глобализацией проблем признается архиважным для современной цивилизации, а возникшая на излете «первого модерна» футурология занимает почетное место в лишенном темпорального измерения постмодернистском интеллектуальном пространстве, то футурологические интенции уже на заре глобализации раскрыть сущность и выявить особенности и тенденции развития данного феномена будут лишь усиливаться. В данном контексте важно отметить, что подобного рода исследования будут не столько «подведением итогов» глобализации апостериори, сколько разработкой должных или возможных моделей глобализации априори. Наивно ожидать, что какой-либо современный исследователь либо научный коллектив смогут в своем научном поиске «объективно осмыслить» процесс глобализации, который по определению охватывает весь мир и все сферы общественной жизни. Значение подобного рода исследований состоит скорее в попытках интеллектуального воздействия на социально-культурные процессы, в стремлении конвертировать разработанное и упорядоченное знание в определенный уровень власти: локальную, национальную, региональную, глобальную.

Поэтому философские исследования смысла и/или сущности глобализации целесообразно начинать с некоторой «деконструкции» теоретических построений самих изучающих/осмысливающих глобализацию. Такой подход, несомненно, противоречит классической парадигме научного поиска, восходящей к Ф. Бэкону. В предлагаемом подходе препятствующие познанию «идолы (призраки) рода, пещеры, рынка, театра» подлежат не элиминированию, но пристальному изучению. Так как они во многом определяют специфику постановки и решения проблемы глобализации в рамках того или иного «интеллектуального региона». Эксплицированное этим путем знание и не истинное, и не ложное в классическом понимании этой дихотомии. Это, перефразируя Х. Ортега-и-Гассета, знание «перспективное» – отягощенное культурно-исторической традицией и тематизированное наличной социально-экономической ситуацией постижение феномена глобализации из определенного места в определенное время. Параллельно могут существовать и взаимодействовать альтернативные «региональные» дис-

курсы глобализации, «перспективизм» которых детерминирован иными «идолами». Взаимодействие и борьба этих дискурсов определяет не только нашу «интеллектуальную оптику» относительно глобализации, но и само течение данного процесса как в глобальном, так и в региональном масштабе.

Для постсоветского пространства наличный «дискурс глобализации» складывается в контексте современной русской философской мысли, преимущественно усилиями российских философов. Для национальных философских школ постсоветских республик актуальна не столько глобализация сама по себе, сколько обоснование своего национального своеобразия и значения в истории философии. Например, немногие философские работы современных белорусских мыслителей, поднимающие «глобализационную проблематику», являются коллективными трудами и обнаруживают несомненную связь с российским «дискурсом глобализации» [1-9]. Артикулируя проблему русского философского «дискурса глобализации», необходимо подчеркнуть, что речь не идет о системе. Внутри этого дискурса возможны свои «линии напряжения», а говорить о его конвенциональности и общезначимой структурированности и вовсе не приходится. Поэтому при решении поставленной задачи по экспликации партикулярных оснований «универсалистско-объективистских» притязаний русского философского «глобализационного дискурса» нет необходимости привлекать весь корпус соответствующих источников. Достаточно обратить внимание на «классические» для русского философского «глобализационного дискурса» работы, определяющие конфигурацию и «линии роста» этого интеллектуального феномена, вплоть до публицистики и тематики научных конференций. Речь идет преимущественно о работах выдающихся современных российских мыслителей А.С. Панарина и А.А. Зиновьева.

«Структурообразующим элементом» «дискурса глобализации» в современной русской философской мысли является факт поражения СССР = России в «холодной (третьей мировой) войне». Это сразу определяет негативное отношение к процессу современной глобализации. По словам Панарина: «Новый мировой порядок является, с одной стороны, послевоенным – то есть основанным на аннексиях и контрибуциях, предназначенных в качестве естественного приза победителям. С другой стороны, он является социал-дарвинистским по своей идеологии, а это означает, что права и преимущества наиболее сильных являются не разовыми и временными, совпадающими с послевоенным переделом мира, а возведенными в принцип, то есть воспроизводимыми постоянно. Следовательно, обделенным и вытесненным на обочину в рамках данного порядка как такового **ничего ждать**» [7, с. 176]. Для Зиновьева зарождение современной цивилизации – «Глобального Общества» = «Глобального человеичника» произошло в ходе «холодной войны» 1946 – 1986 гг. Победа «Западного Союза» в этой войне и определила сущность и особенности современной глобализации [2, с. 16-18]. Главная же из них, по мнению обоих русских мыслителей, – «манипулятивный» характер глобализации, которая есть не столько следствие объективного исторического процесса, сколько результат сознательной целенаправленной деятельности Запада по установлению и закреплению своего господства в мировом масштабе [3, с. 496-498], [6, с. 5-6]. Как подчеркивает Панарин: «...глобализация является своекорыстно-элитарным *проектом* нашего времени, а не некой естественно-исторической реальностью, которой “нет альтернативы”» [5, с. 128]. Триумф глобализации в ее западном варианте несет в себе угрозу существования для всех незападных народов, а в долгосрочной перспективе – для самого Запада и человечества в целом. Для Панарина все закончится экологической катастрофой [8, с. 21-22]. Для Зиновьева – превращением «глобального человеичника» в бездушный и бесперспективный механизм, отягощенный перманентными экологическими, моральными и демографическими проблемами [2, с. 432-434].

На этом фундаменте российские философы предлагают два различных сценария развития глобального мира: сциентистско-пессимистический (Зиновьев) и оптимистическо-утопический (Панарин). При этом следует подчеркнуть, что российский «дискурс глобализации» в зиновьевском модусе фундирован оригинальной социальной философией самого Зиновьева. Концептуально он закрыт для внешних влияний. В то время как Панарин не артикулирует собственную философскую систему и более открыт для рецепции «внешних» концептов и идей.

Для Зиновьева современному «глобальному человеку» нет и не может быть альтернатив. Такова имманентная логика социальной эволюции в глобальном масштабе. Проблема и трагизм ситуации лишь в том, что окончательно победила «не наша» (русская), а западная модель глобализации [3, с. 496-497]. Зиновьев пронизательно замечает, что первой попыткой формирования «Глобального Сверхобщества» явился советский эксперимент: «Коммунистическая тенденция на короткое время (с исторической точки зрения) опередила западнистскую, породив в реальности человеки более высокого уровня социальной организации, чем общества, – породив сверхобщества коммунистического типа. На этом пути предпринята была также попытка создания сверхцивилизации и построения глобального человека, объединяющего все человечество в единое целое на коммунистической основе» [4, с. 324]. Не случайно, раскрывая идеологические основания глобализации, Зиновьев пишет о «западнизме», в то время как Панарин употребляет термин «глобализм». Для Зиновьева глобализация и глобализм взаимосвязаны и неизбежны. Вопрос лишь в том, что современный глобализм как идеология глобализации имеет форму «западнизма». Данный концепт позволяет Зиновьеву тонко выразить свое негативное отношение к современной глобализации посредством аллюзии с западной. При этом сциентистская отстраненность и подчеркнутая объективность Зиновьева не позволяют ему идеализировать коммунистический проект как альтернативную глобализацию и сожалеть об утраченном прошлом в любой культурно-исторической форме. «Принцип необратимости» для Зиновьева непререкаем: «Глобальное Сверхобщество» бездушно и жестоко, но как явление более высокого социально-культурного порядка оно не оставляет шансов для феноменов прошлого: национальных обществ и цивилизаций.

Утопические интенции Панарина заставляют его напряженно искать альтернативы «глобализму». Мыслитель в целом не отрицает глобализационных процессов как таковых. Он симпатизирует «Глобализму Просвещения» с его универсалиями социального прогресса: национальным государством, демократией, просвещением, свободой производителя и экономическим суверенитетом массового потребителя [6, с. 7]. На этом фундаменте Панарин надеется обосновать новый «гуманистический глобализм», который «должен синтезировать заново опыт цивилизаций Востока и Запада, не отказываясь от наследия европейского Просвещения» [6, с. 233-237]. Закономерно, что при подобной постановке проблемы значительное место в рефлексии Панарина занимает тема «бегства национальных элит», соблазненных «эзотерическим глобализмом правящих элит». Лишенный «творческого меньшинства» народ оказывается неспособным организованно противостоять победному шествию западной глобализации. Поэтому надежды на формирование альтернативного, гуманистического дискурса глобализма в России Панарин возлагает на православную традицию. Показательно, что имплицитно Панарин солидарен с мнением Зиновьева, что Россия пыталась реализовать в мире свой «глобализационный проект». Но для Панарина это был не столько коммунистический, сколько православно-славянский проект. Мыслитель практически отождествляет «второй (социалистический) мир» времен «холодной войны» со славянством и «Третьим Римом» [8, с. 22-315]. «Глубокий Юг и фундаменталистский Восток» рассматриваются

Панариным как регионы противостояния «глобальному гегемонизму», но тот факт, что даже в своем побежденном и униженном виде Россия не является частью ни первой, ни второй цивилизационной модели, не фиксируется мыслителем. Сам концептуальный аппарат Панарина, как и Зиновьева, детерминирован по преимуществу западным интеллектуальным наследием.

Таким образом, артикулированный в работах Зиновьева и Панарина российский дискурс глобализации является классической репрезентацией по своим концептуальным основаниям и презентацией по постановке проблемы, детерминированной «Национальной трагедией» поражения в «холодной войне». Этот факт противоречит классической теории Э. Саида, согласно которой репрезентации навязываются извне, подобно «дискурсу ориентализма». Лишь занимающие властные позиции имеют право на (само) презентацию. Интеллектуальная независимость Зиновьева и Панарина в пространстве глобализации показывает, что оно не является одномерным и всецело управляемым «мировым закулисьем». «Побежденные», точнее, аутсайдеры глобализации, также имеют право голоса. Важно при этом не забыть и про право действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалог культур и перспективы социокультурной глобализации в современном обществе : [сб. науч. ст. / редкол. : В.Ф. Мартынов и др.] – Мн. : БГУ, 2005. – 205 с.
2. Зиновьев А.А. Глобальный человек / Зиновьев А.А. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 448 с.
3. Зиновьев А.А. Запад / Зиновьев А.А. – М. : ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2000. – 509 с.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания / Зиновьев А.А. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
5. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера / А.С. Панарин // Сумерки глобализации : настольная книга антиглобалиста / [под ред. А. Ашкерова] – М. : ООО «Издательство АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 123-154.
6. Панарин А.С. Искушение глобализмом / Панарин А.С. – М. : Русский Национальный Фонд, 2000. – 382 с.
7. Панарин А.С. Народ без элиты / Панарин А.С. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 352 с.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / Панарин А.С. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
9. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / [под ред. Ч.С. Кирвель и др.] – Гродно : ГрГУ, 2009. – 547 с.

С.В. Донских

«Дискурс переможених»: глобалізація як проблема російської філософської думки рубежу ХХ – ХХІ ст.
У статті аналізуються особливості постановки проблеми глобалізації в сучасній російській філософії. Досліджуючи роботи відомих російських філософів А.А. Зінов'єва і А.С. Панаріна, було виявлено детермінацію постановки проблеми глобалізації історичними трансформаціями російського суспільства і особливостями рецепції західної філософської думки.

S.V. Danskikh

«Discourse of the Defeated»: Globalization as the Problem of Russian Philosophical thought at the End of XX – at the Beginning of the XXI Centuries

In the article are analyzed the main peculiarities of the globalization as the problem in modern Russian philosophical thought. On the basis of works by famous Russian thinkers A.A. Zinovjev and A.S. Panarin is established the determination their point of view on the globalization as the problem by historical transformations of Russian society and peculiarities of reception of Western philosophical thought.

Статья поступила в редакцию 15.12.2009.